

С.С. Черников К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана). // Первобытная археология Сибири. Л.: 1975. С. 132-137.

Археологические исследования последних лет со всё большей ясностью показывают, что в IV-III вв. до н.э. [1] в среде кочевников степного пояса Евразии происходят какие-то крупные изменения: возникают первые кратковременные государственные образования (хунну, усуней и скифов), изменяется вооружение, деградирует и постепенно изживает себя скифо-сибирский звериный стиль. Погребения кочевой знати уже не содержат такого обилия золота и прочей варварской роскоши, как в предшествующий период. Всё это очень уверенно прослеживается на конкретных археологических материалах, в частности Восточного Казахстана и Алтая.

В I тысячелетие до н.э. общим наиболее характерным признаком населения этих территорий являлось кочевое скотоводство в его ранних формах: оно было господствующей, хотя и не единственной системой хозяйства. Об этом свидетельствуют большие курганы с богатым инвентарём, погребения с конём, развитой скифо-сибирский звериный стиль, типичные для всех ранних кочевников степного пояса формы оружия и конской упряжи. В начале эпохи ранних кочевников постепенно прекращается жизнь на поселениях позднего периода андроновской культуры и угасает древний металлургический центр по производству бронзы в Калбинских и Нарымских горах (Черников, 1960).

В рамках этой большой исторической эпохи на нашем материале как раз и различаются очень отчётливо два больших хронологических периода: VII-IV вв. до н.э. и III в. до н.э. – первые века нашей эры.

В Восточном Казахстане для первого из этих периодов можно выделить на материале погребальных сооружений две группы памятников – северную и южную. Они имеют многие общие элементы, позволяющие отнести ту и другую группу к культуре так называемого скифского облика, но занимают разные (хотя и соседние) территории и различаются между собой по некоторым существенным признакам.

Северная группа – долина верхнего Иртыша с притоками. Для неё характерны курганы с насыпью из земли с камнем, деревянными срубам и захоронениями заседланных и занузанных лошадей между срубом и северной стенкой могильной ямы. Их безошибочно можно отнести к курганам пазырыкского типа, которые были детально описаны в широко известных работах М.П. Грязнова (1950), С.В. Киселёва (1949) и С.И. Руденко (1953, 1960) главным образом по материалам Горного Алтая. Эти исследователи проделали большую работу по определению абсолютной и относительной хронологии этих богатейших курганов, несомненно относящихся к одной археологической культуре. М.П. Грязновым (1947) выделена древнейшая группа этих памятников, названная им майэмирской по находкам в Восточном Казахстане (Адрианов, 1916) и датированная VII-VI вв. до н.э. Верхнюю хронологическую границу этого периода можно отнести к концу IV в. до н.э. Судя по всем данным, у нас нет оснований датировать курганы пазырыкского типа позднее IV в. до н.э. Даже материалы наиболее поздних из них – курганов Берельского, Катандинского и Шибинского – не позволяют, на наш взгляд, относить их к следующему хронологическому периоду. Инвентарь этих курганов имеет гораздо больше аналогий с бесспорно ранними пазырыкскими и башадарскими курганами, чем с хуннскими или сарматскими. Кроме того, очень мало вероятно, чтобы у подвижных кочевых племён с их превратностями исторических судеб мог сохраниться почти на одном и том же месте в течение 700 лет один и тот же погребальный обряд со всеми его этнографическими особенностями.

В Восточном Казахстане внутри памятников этой группы, так же как и на Алтае, намечаются разные хронологические комплексы. К VII-VI вв. до н.э. можно отнести курганы у д. Черновой и в верховьях Бухтармы (раскопки А.В. Адрианова в 1911 г.), у посёлков Славянка и Юпитер (раскопки ВКАЭ в 1953 г.). [2] К V-III вв. до н.э. относятся

курганы Берельский (раскопки В.В. Радлова в 1865 г. – Сорокин, 1969б), у с. Буконь (грабительская раскопка 60-х годов прошлого века, изучена М.П. Грязновым), Эйген-Булак (раскопки Бобкова в 1911 г., см. коллекцию МАЭ АН СССР, №1726), у Кызыл-Ту и Малокрасноярка (раскопки ВКАЭ в 1950-1953 гг.). Эти памятники несомненно оставлены крупным племенным объединением, которое занимало северную часть территории Восточного Казахстана, Горный Алтай и прилегающие степи. Есть основания связывать его с Геродотовыми аримаспами.

Южная группа – район оз. Зайсан и хребет Тарбагатай. Характеризуется земляными курганами, могильная яма с деревянными перекрытиями или клетка из брёвен; к яме, обычно с восточной стороны, примыкает дромос. Устройство насыпи богатых курганов более сложное. Применялись битая глина и дёрн, а у основания кургана выкладывалось кольцо из камней. Отсутствуют керамика и погребения рабов и лошадей. К этой группе относятся курганы в урочище Майэмир (раскопки А.В. Адрианова в 1916 г.), в Чиликтинской долине и у посёлков Усть-Буконь, Славянка и Юпитер (раскопки ВКАЭ в 1949, 1956, 1960-1963 гг. – Черников, 1951а, 1951в, 1959, 1965). Видимо, это наиболее северные курганы сакского племенного союза. Здесь также можно наметить более ранние (Майэмир, Чиликты, курган 5) и более поздние (Усть-Буконь, Чиликты, курган 7) памятники.

Граница между северной и южной группами отчётливо прослеживается у пос. Усть-Буконь и в верхнем течении правого притока Иртыша р. Нарым.

Разница в бронзовых изделиях и украшениях между ними почти не улавливается, и мы можем охарактеризовать их, опираясь на предшествующие исследования М.П. Грязнова и С.В. Киселёва, только суммарно.

К более ранним формам относятся кинжалы с брусковидным навершием, узкие прямые ножи с отверстием или протомой хищника на рукоятке, наконечники стрел втульчатые, листовидные или ромбовидные и трёхпёрые с черешком (характерная казахстанская форма), удила со стремевидными кольцами, трёхдырчатые псалии, иногда с отростком или шишечкой. Наиболее распространённые сюжеты звериного стиля – «летающий» олень с поджатыми ногами, свернувшийся в кольцо барс, орёл, кабан, горный козёл, рыба. Все изображения трактованы хотя и условно, но реалистично; усложнённых образов и сцен терзания ещё нет.

К более поздним формам принадлежат кинжалы с плоским дугообразным навершием и бабочковидным перекрестьем и железные прямые однолезвийные ножи без отверстия. К ранее существовавшим типам наконечников стрел добавляются втульчатые трёхгранные с оттянутыми жальцами; у трёхпёрых наконечников черешки становятся короче. Удила с круглыми кольцами – бронзовые и железные, двухдырчатые псалии. Образы звериного стиля сильно усложняются, делаются гораздо богаче (добавляются баран, волк и лось) и всё менее и менее реалистичными. Так, например, рога и хвост оленя трактуются уже в виде орлиных голов (Чиликты, курган 7, 2-й пазырыкский и др.). Появляются грифоны и другие фантастические звери и сцены терзания животных. Богатые курганы пазырыкского типа дают нам бесконечное разнообразие этих сюжетов. Следует отметить, что изображение орла, сделанное в условной, но чрезвычайно выразительной манере (Чиликты, курганы 5 и 7), является, по-видимому, только сакским (ещё точнее – чиликтинским) сюжетом и у аримаспов не встречается. В пазырыкских же памятниках мы находим изображение лося, совершенно неизвестное в южной группе.

С переходом к кочеванию добыча руд и выплавка бронзы, судя по находкам в древних выработках и общему количеству изделий, сначала возрастает. Но нужда в металле, в связи с увеличением военных потребностей и просто с ростом населения, уже не могла долгое время удовлетворяться индустрией бронзы. Первое знакомство с железом происходит здесь, видимо, ещё в конце VII в. до н.э., однако вплоть до V в. в верховья Иртыша проникают лишь отдельные железные изделия, встречающиеся только в богатых курганах (Чиликты, курганы 5 и 7). Тоже было и западнее на соседней степной территории

(Тасмола, раскопки М.К. Кадырбаева в 1966 г.). Основная же масса орудий и оружия ещё долгое время изготовлялась из бронзы (могильник Усть-Буконь, Чиликты, курган 7, Пазырык, курган 1). Таким образом, переход к железу происходит в Восточном Казахстане по крайней мере на три века позднее, чем в Причерноморской Скифии. Объяснить это можно только наличием крупного металлургического центра бронзы с его выработанными производственными традициями, так как в это время ни о какой культурной или экономической отсталости восточно-казахстанских и алтайских кочевых племён говорить не приходится.

Переход к железу в районах, далёких от древних центров цивилизации, произошёл, вероятно, не потому, что первые железные орудия были лучше бронзовых. При первых попытках самостоятельно их изготовить, они, скорее всего, были хуже, а их обработка для людей, привыкших к литью металла в формах, – труднее. В Восточном Казахстане, так же как и в других районах степи, переход к железу произошёл потому, что всё возрастающие потребности в металле уже не могли быть удовлетворены узкой сырьевой базой металлургии бронзы. Преимущества нового металла были оценены, вероятно, скоро (в кургане IV в. до н.э. у посёлка Кызыл-Ту удила и бронзовые, и железные – Черников, 1952), и древний металлургический центр бронзы в Восточном Казахстане к III в. до н.э. прекратил своё существование. Об этом свидетельствуют курганы 2-го периода, позднего типа, расположенные прямо на горных выработках (Сая-Су – Черников, 1960, табл. LXIX).

Памятники осёдлого земледельческого населения, подобные изученным на верхней Оби (Грязнов, 1956б [1956а]), в Восточном Казахстане пока не обнаружены. Но есть серьёзные основания думать, что поселения типа Трушниково, по всем признакам относящиеся к самому концу андроновской культуры, могли существовать и позднее – возможно, до VI в. до н.э. Во всяком случае керамика, найденная во 2-м Башадарском кургане (Руденко, 1960, рис. 40-44), совершенно аналогична трушниковской. Вместе с тем в самом Трушникове на последнем этапе существования этого поселения можно заметить явственную попытку расширения земледелия. Обращает внимание необычно большое количество найденных там орудий, связанных с ним (18 каменных мотыг, 9 зернотёрок, 17 верхних камней к ним и 26 пестов – Черников, 1960, с. 56). Вероятно, большое количество хлеба было нужно той части сородичей, которая его уже не производила. Если это так, то здесь мы имеем дело с одним из тех небольших земледельческих очагов, без которых кочевники существовать не могли. В данном случае допустимо предположить, что эти земледельцы являлись какой-то, видимо незначительной, частью уже сложившегося кочевого племени.

Иная картина на верхней Оби. На Ближних Елбанах жило осёдлое племя иного происхождения и культурных традиций, вероятно находившееся в каких-то подчинённых отношениях к кочевникам. Скорее всего оно было вынуждено платить им дань зерном.

На этом же хронологическом этапе, вероятно не позже VI в. до н.э., произошло передвижение какой-то части южной (сакской) группы племён на средний Енисей. Преемственность особенностей звериного стиля, форм оружия и конской упряжи, которую мы наблюдаем на ранних этапах развития тагарской культуры, позволяет говорить о таком передвижении. В Минусинскую котловину пришла какая-то часть именно сакских племён, о чём свидетельствует стилистическое сходство тагарских оленей, орлов и «пантер» с чиликтинскими, а не пазырыкскими образцами.

Рядовые курганы этого типа (за исключением Усть-Буконьского могильника) встречаются в долине Иртыша сравнительно редко и не образуют больших кладбищ. Возможно, это свидетельствует о том, что во времена дальних походов и передвижений племён мог происходить частичный отлив населения, перераспределение пастбищных угодий и настолько дальние перекочёвки, что обычай хоронить умерших на своих зимовках, естественно, нарушался.

Иное дело курганы кочевой знати. Такая долина, как Чиликтинская, с её необычайно благоприятными условиями для зимнего выпаса, вероятно, уже очень рано стала

«заповедным пастбищем» аристократической верхушки какого-то могущественного племени или даже союза племён. Здесь, в постепенно нараставшей цепочке величественных курганов, и хоронили его наиболее знатных представителей, власть которых, очевидно, распространялась па очень большие территории. Рядовых же погребений этого времени в Чиликтинских могильниках почти нет.

У нас есть все основания предполагать, что кочевые воины с верховий Иртыша совершали дальние походы в страны Передней Азии, а их культурные связи с древними цивилизациями Переднего Востока, после раскопок больших курганов и чиликтинского, и пазырыкского типов, не вызывают теперь никаких сомнений.

Археологические памятники 2-го периода имеют уже совсем другой облик. В долине Иртыша появляются могильники, состоящие из нескольких десятков небольших однотипных курганов. Изменяется обряд погребения и могильный инвентарь, исчезают характерные признаки пазырыкской культуры. На основании имеющихся материалов можно с уверенностью говорить, что с III в. до н.э. и по I-II вв. н.э. верховья Иртыша занимала устойчивая группа племён, оставившая на своих зимних пастбищах в самой долине несколько крупных могильников. Раскопки показали, что здесь мы имеем дело со своеобразной археологической культурой, характеризующейся оригинальным и чётко выраженным комплексом признаков, которую можно назвать по месту первых раскопок кулажургинской. Исследование принадлежащих к ней памятников производилось у аула Кула-Журга (могильники I, II, III), у поселков Баты, Тускаин, Пчела, Славянка, Кызыл-Ту, Юпитер, Малокрасноярка, Усть-Буконь (работы ВКАЭ).

Приведём краткую характеристику этих памятников. Курганы диаметром от 5 до 10 м и высотой до 0.6 м, с насыпью из земли с небольшими камнями, видимо остатками разрушившейся круглой оградки. Курганов диаметром около 30 м только два (могильники Баты и Пчела). Погребения совершались в каменных ящиках из гранита или сланца, покрытых такими же плитами и в грунтовых ямах. В одном случае отмечен небольшой подбой в головах парного погребения (Баты, курган 42). Скелеты лежат в вытянутом положении, головой на В (более ранние) и на З (более поздние). Большинство погребений одиночные. В некоторых курганах с каменными ящиками – скелет лошади (в одном случае – двух) головой на В или череп и кости ног лошади поверх ящика. Сопровождающие погребённых вещи, особенно в более поздних курганах, очень немногочисленны. Чаще всего встречаются глиняные сосуды кувшинообразной формы, ручной лепки. Форма эта очень устойчива, исключение составляет лишь один сосуд с широким горлом, округлённым дном и небольшой ручкой. Большей частью не орнаментированы, лишь на некоторых сосудах, при переходе тулова к горлу, встречается валик с насечками. Немногочисленные орудия железные, что свидетельствует об окончательном затухании в это время металлургического центра добычи бронзы. Найдены короткий кинжал с прямым перекрестьем, ножи с отверстием в рукоятке (в одном случае с кольцом) и стерженьки неопределённого назначения. Из бронзы – шило и круглое зеркало с короткой ручкой (в одном из наиболее ранних погребений – Баты, курган 18). Из дерева – сосуд вытянутой формы с расширяющейся придонной частью и небольшой ручкой, миска, прямоугольные лотки для мяса, ящичек, внутри которого лежали палочки мела и красная краска (Кула-Журга I, женское погребение). Украшения – золотые серьги, одна с грушевидной подвеской, три другие из тонкой проволоки, согнутой в виде восьмёрки, и одна серебряная такой же формы, пластинки тонкого листового золота прямоугольной формы, нашивавшиеся на одежду, бусы из свёрнутого золотого листочка, цилиндрические из белой стеклянной пасты и одна круглая из голубой. Почти все украшения найдены в более ранних могилах. Следует упомянуть ещё находку шиферного пряслица, точильного бруска и каменной тёрки. Во многих курганах у головы погребённого лежали хвостовые позвонки барана (курдюк); в двух случаях в сосудах найдены чешуйки проса (Черников, 1948, 1956, 1959).

Ближние аналогии в инвентаре и в особенностях погребального обряда наблюдаются в усуньских погребениях Семиречья, а в формах керамики – с некоторыми сарматскими сосудами. Ясно прослеживаются также черты, связывающие их с северной группой предшествующего хронологического этапа, – захоронение с двумя лошадьми, форма ножей, золотая крестовидная бляшка с лотосообразными окончаниями. Эти факты говорят о преемственности культурных традиций, а приведённые аналогии позволяют датировать кулажургинскую культуру в целом III в. до н.э. – I в. н.э. Следует оговорить при этом, что верхняя хронологическая граница не очень ясна и до некоторой степени условна. В пределах этого периода также можно наметить две группы памятников. Более ранняя характеризуется положением погребённого головой преимущественно на В, преобладанием каменных ящиков, захоронением лошадей и относительно большим количеством инвентаря. К ней относятся курганы у Славянки, часть могильников Кула-Журга I, II и курганы у пос. Юпитер. Эту группу можно датировать III в. до н.э. Более поздняя группа, II в. до н.э. – I в. н.э., характеризуется западной ориентировкой погребённых, преобладанием грунтовых могильных ям, отсутствием лошадей и бедным инвентарем. Это могильники Баты, Тускаин, Пчела и часть курганов в Кула-Журге.

Можно предположить, что памятники кулажургинской культуры оставлены племенем угэ, которое известно нам по походу хуннского шаньюя Чжичжи на запад (Черников, 1948). Это племя, судя по наличию керамики и проса в курганах, вряд ли совершало большие и длительные перекочёвки. Дальние походы и крупные передвижения кочевых племён (в конце I тысячелетия до н.э.), вероятно, прекратились. Положение стало более стабильным, хорошие пастбища можно было найти и ближе: зимние – в долине Иртыша, летние – скорее всего в Нарымских горах и степях левобережья. Население увеличивалось, о чём свидетельствуют большие могильники, а требования погребального обряда уменьшались. В могилу клали всё меньше и меньше различных вещей. Угэ занимали, видимо, только верховья Иртыша, поддерживая наиболее тесные культурные связи с усунями Семиречья. На запад от них, в горах Чингис-Тау, ниже по Иртышу и на Северном Алтае обитали какие-то другие племена, о чем мы можем судить по особенностям погребального обряда. Кто занимал в это время пастбища Горного Алтая и Чиликтинскую долину, – ещё предстоит выяснить.

Антропологические материалы, относящиеся к ранним кочевникам Восточного Казахстана, изучены В.В. Гинзбургом (1956). Андроновский антропологический тип, сложившийся в бронзовом веке, продолжает сохраняться здесь и в эпоху ранних кочевников в качестве основного. Это свидетельствует о том, что кочевники не пришли в Восточный Казахстан из неизвестных мест, а ими стали местные племена. Но уже в 1-м хронологическом периоде намечается примесь монголоидности (Чиликты, Усть-Буконь). Во 2-м периоде монголоидность усиливается и добавляются черты расового типа среднеазиатского междуречья, что можно объяснить культурным сходством племён угэ и усуней. Прямой генетической связи между населением 1-го и 2-го периодов, судя по погребальному обряду, видимо, нет, но это один круг кочевых племён, с одной андроновской подосновой.

Такую же смену археологических культур, свидетельствующую о каких-то значительных изменениях, можно проследить в это время и на других кочевых территориях. Весь облик культуры хунну, усуней и сарматов весьма существенно отличается от облика скифов, савроматов и саков предшествующего времени.

Таким образом, можно констатировать, что в IV-III в. до н.э. в кочевом мире евразийских степей происходят столь существенные изменения, что мы вполне обоснованно можем говорить о начале нового исторического периода. В чем же его сущность? Несомненно, что кочевники появились на исторической арене как общество, стоящее на уровне военной демократии, уже с далеко зашедшим имущественным и социальным неравенством и рабовладельческим укладом, но с ещё окончательно несложившимися классовыми отношениями и с невыработанными надстройками, в

частности – государством. Хорошим доказательством служит тот факт, что в VII в. до н.э. (653-625 гг.) скифы, господствуя в течение 28 лет в Передней Азии и находясь там под сильным влиянием древневосточной цивилизации, так и не сумели создать никакого даже самого примитивного государства.

Процессы классового образования, медленно развивавшиеся в кочевом обществе в течение всего предшествующего периода, получают наконец своё первоначальное завершение, правда ещё очень несовершенное и непрочное, но тем не менее уже вполне улавливаемое и по историческим и по археологическим материалам. Конец этого периода, прослеживающийся в первых веках нашей эры на разных кочевых территориях по-разному, в казахских степях ещё очень нечётко и требует дальнейшего изучения.

[1] Здесь и далее III в. до н.э. взят как наиболее поздняя дата. Отдельные признаки упомянутых изменений наблюдаются кое-где и в IV в. до н.э. – например, сложение прохоровской культуры в Приуралье и консолидация скифского царства Атея в Крыму. Кроме того, в культуре кочевого мира конца III в. до н.э. мы уже почти не можем различить черты, свойственные VII-V вв. до н.э. Точного хронологического рубежа здесь, конечно, быть не может, однако есть все основания думать, что наиболее существенные изменения в кочевом мире евразийских степей произошли в IV – начале III в. до н.э.

[2] Дата VII в. до н.э. как дата начала кочевого скотоводства, хотя до последнего времени и была привычной, также очень условна и несомненно сильно завышена, поскольку процесс перехода к этой специализированной форме хозяйства занял, вероятно, лет 200, чему сейчас уже есть доказательства. В VII в. все характерные элементы культуры ранних кочевников евразийских степей лишь окончательно складываются, и о них как о грозной военной силе, впервые выступившей на исторической сцене, сообщают ассирийские анналы.

Archaeological Library of Kazakhstan